

КТО УСТРЕМЛЕН КО ХРИСТУ НЕПРЕСТАННО, В ТОМ ГОСПОДЬ
ПИШЕТ ОБРАЗ СВОЙ СВЕТОМ СВОИМ.

Преподобный Макарий Египетский (IV в.)

ОБРАЗ

№ 26 18 июня

ГАЗЕТА ВОРОНЕЖСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Семинария основана
31 мая 1745 года

ИЗДАЕТСЯ ПО
БЛАГОСЛОВЕНИЮ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО
СЕРГИЯ, МИТРОПОЛИТА
ВОРОНЕЖСКОГО И
БОРИСОГЛЕБСКОГО

13-й выпуск
Воронежской Православной
Духовной Семинарии

Митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей

СЛОВО К ВЫПУСКНИКАМ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ

Выпускной акт — это значительный этап в жизни тех людей, которые оканчивают духовную школу. Вы стоите на пороге большой жизни. Только вчера вы слышали и внимали, а завтра уже будут внимать вам, тому, что вы скажете, что сделаете, как ответите на поставленный вопрос. Люди придут к вам, будут спрашивать духовных советов, поэтому необходимо организовать свою жизнь согласно церковному уставу и Евангельскому учению, иначе ничего невозможно построить и достичь.

Каждый выпуск семинарии — это своего рода этап духовного развития не только духовной школы и епархии, но и Церкви в целом. Где бы Господь не благословил вас трудиться — в Воронеже, районном центре или захолустной деревеньке, вас везде будут ждать люди и поэтому вам нужно относиться очень серьезно к вашему служению. Вы должны в первую очередь возгревать в себе дар веры, жить Священным Писанием, Евангелием, молитвой, пребывать в постоянном делании творческом, пастырском. Не берите себе в спутники зависть, раздражительность, интриги — все это отдаляет от Бога и губит нас.

Вспоминаются слова одного профессора Московской духовной школы, который говорил, что благодать действует всегда — она укрепляет, созидает, но, когда она входит в злохудожную душу, то бывает в осуждение. И становится хуже человеку, когда он принимает неподготовленным дары Святого Духа, в каком бы Таинстве они не преподавались и эти дары действуют разрушительно на его зараженную грехом душу. Вы должны это помнить и блюсти себя, потому что очень многое зависит от вас. Мы знаем прекрасно, что благодать Божия действует помимо нашей

святости или греховности. Священнику дана власть призывать благодать Святого Духа и она нисходит по его молитвам, каким бы грешным он ни был. Если мы будем стремиться к святости, то эта благодать будет нас освящать, мы будем еще более мудрыми, готовыми ко всем вызовам современного мира.

Нужно деятельно трудиться — и духовно, и телесно. Если не будет этого труда — ничего не будет. Поэтому хочется всем пожелать осознания своего места в Церкви. Не стоит настраивать себя на то, что у вас все сразу пойдет хорошо.

Всегда будет искушение — это закон духовной жизни. Будете на хорошем приходе служить и там, если у вас нет достаточно смирения и опыта, вы споткнетесь. И получите, быть может, самый плохой, отдаленный приход, но Господь благословит так, что он станет самым лучшим благодаря вашему труду.

Желаю вам прислушиваться к евангельским советам, понять, что от вас сейчас отдачи — не вы должны требовать ее от жизни, от места, где будете служить, от матушки, от прихожан, от настоятеля — пока они требуют от вас показать, на что вы способны.

Дай Бог, чтобы вы усвоили самое главное, чему учит нас школа — быть верными чадами нашей Матери Церкви и нести неустанно, до последнего дыхания нашей жизни свет Христовой истины. Дай Бог, чтобы вы познали любовь к Богу, которая согревает мир. Бога мы никогда не видим, но чувствуем Его присутствие и поэтому любовь к Нему изливается на ближних, на человека. Насколько мы будем любить Бога, настолько нашу любовь будет чувствовать паства. Дай Бог, чтобы вы возрастали духовно. Помните пословицу: «Не место красит человека, а человек место». Я хотел бы видеть в вас добрых помощников и соратников, чтобы вы понимали ту задачу, которую нам определил Господь. Желаю всем выпускникам, чтобы вы не забывали своей духовной школы, с любовью к ней относились и всегда помнили то добро, которое проявляли к вам ваши педагоги и были бы им за все благодарны. Сегодня у вас особая радость — позади занятия, послушания, сессия. Но поверьте — у каждого из тех, кто когда-то окончил духовную школу, рано или поздно появляются ностальгические воспоминания о времени, проведенном здесь, как о мимолетных часах счастья, которые уже никогда не вернуться.

Я желаю вам, чтобы Господь благословил вас, как некогда Своих учеников и ниспослал на вас дары Пресвятого Духа. Здоровья вам, счастья в личной жизни, помощи Божией в пастырском и церковном служении. Храни вас Господь на многая и благая лета.

А. И. ОСИПОВ

Русское духовное образование

ет необходимости обосновывать ту простую истину, что образование является одним из тех краеугольных камней, на которых стоит и строится само бытие народа во всем многообразии сторон его жизни. Если же говорить об образовании духовном, то его первичность и по существу, и по времени возникновения на Руси, и по значимости в развитии русской образованности и всей культуры очевидна. Поэтому изменение его характера всегда самым серьезным образом отражалось на духовном и нравственном состоянии народа. Иван Киреевский не случайно говорил: «Человек - это его вера». Но вера, пишет апостол Павел, от слышания, слышание же от проповедующего (см.: Рим. 10, 14-17). Не потому ли и Христос последней и главной заповедью для апостолов повелел: «Идите, научите все народы» (Мф. 28, 19). Научение же и есть образование.

Каким оно было на Руси? Из широкого круга вопросов, относящихся к данной проблеме, обратим преимущественное внимание на первый и ключевой - цель образования. С этой стороны историю нашего духовного образования можно достаточно четко разделить на два принципиально отличных друг от друга периода. Первый заканчивается фактически эпохой учеников преподобного Сергия Радонежского в XV столетии, в котором наиболее ярко проявилась духовная устремленность русской образованности и который, несмотря на тяжелейшие впоследствии духовные потрясения, оставил неизгладимый след в самой сокровенной части души русского человека до сего дня.

Второй период достаточно определенно обозначается уже с первой половиной XVI столетия. В XVII же веке с основанием Киевской Духовной Академии, а затем в 1685 году - первого высшего учебного заведения в России - Славяно-греко-латинской (впоследствии Московской Духовной) Академии, ставшей матерью Академии наук и Московского государственного университета, а далее и других Духовных академий, семинарий, школ - новое направление становится господствующим в русском духовном образовании до настоящего времени.

О каких целях и направлениях идет речь? Они отчетливо могут быть выражены в альтернативе: что важнее для человека - его духовное и нравственное состояние или интеллектуальный багаж и практические навыки? Сама постановка вопро-

са может, на первый взгляд, вызвать недоумение: разве одно противоречит другому? Но дело здесь не в противоречии, а в возможных последствиях для человека преобладания того или другого. Если духовно-нравственная чистота не только не противоречит знанию, но и всегда остается созидательным началом в человеке: любовь не может не творить добра, - то знания без морали легко становятся орудием порабощения и уничтожения себе подобных, разрушения всего и вся.

Однако для древнерусского сознания проблемы выбора здесь не было. Цель образования была ясна: указать человеку путь, средства, условия очищения и восстановления в себе «прежде падшего» образа Божия, уподобления Христу, показавшему совершенный образ человечности в условиях этого мира.

Такая цель прямо вытекала и из православного понимания богословия. В отличие от западного, рассматривающего богословие как науку чисто рациональную, русское церковное сознание, в соответствии с учением отцов Церкви, понимало богословие как науку опытного богопознания. Центральная мысль такого видения богословия глубоко выражена в ясных и точных словах одного из самых читаемых и почитаемых на Руси древних святых - преподобного Иоанна Лествичника: «Совершенство чистоты есть начало богословия».

Эта мысль, исходящая из слов Христа: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8), и определяла содержание, характер и основную направленность всего древнерусского образова-

ния - не только духовного. Как осуществлялось оно? Подлинными его «университетами» были монастыри, которые создавали совершенно уникальный климат целостного воспитания человека. Там, изучая по кожаным рукописным книгам вселенский опыт святых, напитываясь примерами их многообразных подвигов в пустынях и в миру, в царских дворцах и убогих хижинах, на поле боя и в делах гражданских, получая одновременно навык правильной христианской жизни от рядом стоящего духоносного наставника, ученики-послушники постепенно возрастали до нового человека, святого. В монастырях формировалась наука, замечательная по своей неразрывной связи между теорией и практикой.

Святоотеческие творения изучались не ради теоретических богословских познаний (знания ради знания) или получения ученых степеней и почетных должностей, но единственно из стремления найти верный путь образования в себе истинного христианина. И таковой становился свят не для себя одного.

Монах был зажженной свечой, на которую ориентировались и к которой стремились все сословия. Он примиряет смертельно враждующих князей, укрощает их страсти, объединяет вокруг великокняжеского престола. Он едет в Орду, чтобы спасти народ свой от очередного нашествия. Он первый и славнейший герой на Куликовом поле. Он утешает вдову, помогает нищему - и все это совершается тихо, без сенсаций, без торжественных заявлений. Даже внешний вид его: простое, нередко нищенское одеяние, бледное, изможденное лицо, легкая, худая фигура и чистый, ясный взор - невольно выделяли его из общей среды (отсюда русское слово «инок» - то есть иной по сравнению с обычным), привлекали к себе. Потому монастырь - собрание иноков - имел огромное нравственное влияние на все общество в целом.

И не только нравственное. Вся русская книжность шла также из монастырей, в которых она формировалась главным образом на великой византийской книжности, несущей с собой высшую образованность того времени. Переводы здесь де-

лались не случайные: брали лучшие книги, воспитывающие и ум, и душу человека, а не развращающие его под предлогом просвещения, как это видим позднее. Такая проверенная критерием истинной мудрости и святости литература закладывалась в основу всего образования на Руси.

Потому оно не было ни самоцелью, ни тем более средством к земному успеху. Образование всегда было подчинено высшей цели - духовному и нравственному становлению человека. Отцы наши хорошо видели первичность духовного начала в жизни личной и общественной и понимали, что духовно цельный человек и худое сделает прекрасным, а многознающий, но страстный и развращенный и лучшую жизнь превратит в ад.

Эта цель познания - сделать человека святее, а не богаче, исходя от достойных ее выразителей: молитвенников, воздержников, кротких и любвеобильных иноков и священнослужителей, благочестивых мирян - находила отклик и с благоговением принималась во всех слоях русского общества, становясь достоянием практически всего народа, даже неграмотных, поскольку содержала в себе не абстрактные «философические» материи, а очевидную норму реальной святой жизни и прямо отвечала на самый главный вопрос человека - о смысле его жизни. Поэтому образование и в великокняжеских палатах, и в боярских теремах, у служилых людей, в купеческих домах и в семьях простого люда получало один и тот же целенаправленный духовный характер. Так воспитывался весь народ и постепенно, несмотря на постоянное противоборство языческих начал жизни, созидался общий дух нации, утверждался ее идеал - устроение Святой Руси.

Хорошо писал об этом И. В. Киреевский: «Учения святых отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола. Под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта... Обширная русская земля... не столько в единстве языка находила свое притягательное средоточие, сколько в единстве убеждений, происходящих из единства верования

в церковные постановления. Ибо ее необозримое пространство было все покрыто, как бы одною непрерывною сетью, неисчислимым множеством уединенных монастырей... Из них единообразно и единомысленно разливался свет сознания и науки во все отдельные племена и княжества. Ибо... духовные понятия народа из них исходили... и все его понятия нравственные, общественные и юридические...»

Во втором периоде происходит принципиальная смена приоритетов в самой цели и методе образования.

И. В. Киреевский, специально изучавший данную проблему и оставивший свою прекрасную статью «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», дает на этот центральный вопрос русской истории ответ, заслуживающий самого серьезного внимания. «Что касается до моего личного мнения, - пишет он, - то я думаю, что особенность России заключается в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, - во всем объеме ее общественного и частного быта. В этом состояла главная сила ее образованности, но в этом же таилась и главная опасность для ее развития. Чистота выражения так сливалась с выражаемым духом, что человеку легко было смешать их значительность, и наружную форму уважать наравне с ее внутренним смыслом... В XVI веке, действительно, видимы, что уважение к форме уже во многом преобладает над уважением духа. Может быть, начало этого неравновесия должно искать еще и прежде; но в XVI веке оно уже становится видимым... В то же время в монастырях, сохранявших свое наружное благолепие, замечался некоторый упадок в строгости жизни...»

Таким образом, уважение к преданию, которым стояла Россия, нечувствительно для нее самой перешло в уважение более наружных форм его, чем его оживляющего духа. Оттуда произошла та односторонность в русской образованности, которой резким последствием был Иван Грозный и которая через век после была причиною расколов и потом своею ограниченностью должна была в некото-

рой части мыслящих людей произвести противоположную себе, другую одностронность: стремление к формам чужим и чужому духу».

Очень верное наблюдение. Так начинает изменяться сознание русского человека. Основная задача духовного образования - научение христианскому пониманию жизни и борьбе с ветхим человеком с целью исцеления от страстей - постепенно и все более подменяется другой задачей: точным исполнением внешних церковных предписаний, Устава, обрядов, «предания старцев» (Мф. 15, 2-3) и церковной эстетикой («благолепием»). Первичными становятся ценности не духовные, а «наружные», не чистота духа, а точность «буквы», не любовь и смирение по образу Христа, умывающего ноги Своим ученикам, а власть по образу мира сего, попирающая «малых сих», не нищета и воздержание, а богатство и слава суетные. Сами средства превращаются в самоцель и поэтому в сути своей извращаются.

Духовным выражением этого искажения смысла христианской жизни было так называемое иосифлянство (начало XVI века), которое решительно настаивало на необходимости внешнего «благолепия» и материального богатства Церкви, ее монастырей и храмов - явление не свойственное (точнее - противоестественное) ни внешне-святоотеческому, ни исконно русскому пониманию монашества как жителю нестяжательного и бесславного в этом мире.

Это постепенное и потому мало заметное для большинства современников духовное сползание проявилось в двух крайних и одинаково губительных для русской жизни и русской образованности направлениях: западническом протестантском либерализме и иудео-католическом магизме и законничестве. Первый тоталитарно заявляет о себе с перестройки Петра I до последней перестройки; второй - с непримиримого Раскола до фундаментализма сего дня. Но оба явления имеют одну и ту же духовную основу - гордость и фанатизм - и приводят к одному и тому же следствию - забвению дела спасения и разрушению организма Церкви, поскольку одинаково бедственным для нее оказы-

вается как произвол в изменении форм и дисциплины церковной жизни, приводящий к их разрушению, так и подмена подвига исполнения заповедей Евангелия настоящим культом этих форм так называемого церковного благочестия (отслужить, вычитать, пропеть...) «У нас, - писал святитель Игнатий Брянчанинов, - есть хорошая внешность: мы сохранили все обряды и символ первобытной Церкви; но все это мертвое тело, в нем мало жизни».

Итак, не святость человека, а обширность и разносторонность знаний становятся во втором периоде главной задачей образования. Конечно, так прямо никто не говорил - тем более что святость как личная цель жизни не отвергалась. Но как цель духовного образования она исчезает, и богословские знания, вместо того чтобы быть источником научения опытному богопознанию, превращаются в «сумму» знаний, в какую-то самодовлеющую ценность, независимую от степени ее необходимости и полезности для духовной жизни обучающегося.

Изменение цели образования привело к изменению и его метода. Если древнерусское образование осуществлялось через проповедь, чтение Священного Писания, святоотеческой и житийной литературы, добровольное послушание найденному (если это удавалось после тщательных поисков и сравнений) духовнику (преподобный Нил Сорский, например, так и не нашел), личный пример и назидание наставника, то есть образование шло по пути убеждения и воспитания человека для свободного принятия им начал христианской веры и жизни, то образование новое, европейское, поставив во главу угла максимум теоретических знаний и богословский профессионализм, должно было расстаться с педагогикой Христа и применить педагогику принуждения и формализма. Так возникли Духовные школы с их классами, оценками, наказаниями и наградами, званиями и степенями, и все чаще - с педагогами, не ведущими и не ведущими никакой духовной жизни, однако же готовящими священство, епископат и руководство своей Церквью.

К чему привел новый тип духовного образования в России, об этом красноре-

чливо говорит история. Образование полностью подчиняется тому, что хорошо известно под именем схоластики, характеризующейся, по меньшей мере, двумя существенными признаками: рационализмом, то есть принятием рассудка в области познания в качестве высшего судьи, и оторванностью рассматриваемых вопросов от реальной духовной жизни (богословие ради богословия). Очевидно, что и то, и другое приводит к потере в учащих (будущих священнослужителях, иерархах!) живого чувства веры, чувства Бога, почему и неминуемо ведет к обмирщению всей Церкви.

Это в свое время произошло на Западе. Подобный же процесс стал развиваться и у нас с открытием Духовных школ в XVII веке. Мы их устроили вполне по образу и подобию школ католических и протестантских, взяв не только их системы, методы и программы, но часто и сами учебники с их далекими от Православия идеями и трактовками догматических и нравственных истин. Даже преподавание в Духовных школах велось по образцу школ западных на латинском языке и таковым оставалось до второй половины XIX века. XVIII век вообще был у нас темным веком в духовном образовании (и не только в нем). Святитель Филарет (Дроздов), инспектируя в 1815-1818 годах школы Московского округа, и в первую очередь МДА, писал о выпускниках-священниках, что они «довольно знали латинских языческих писателей, но мало знали писателей священных и церковных; лучше могли говорить и писать на латинском языке, нежели на русском; имели память, обремененную множеством слов, но ум не оплодотворенный живым познанием истины».

В середине века святитель Игнатий (Брянчанинов) восклицал с такой горечью: «Сбывается слово Христово: в последние дни обрящет ли Сын Божий веру на земле! Науки есть, академии есть, есть кандидаты, магистры, доктора богословия... Случись с этим богословом какая напасть - и оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия. Я встречал таких: доктор богословия, а сомневается, был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не бль ли, подобно мифологической. Како-

го света ожидать от этой тьмы!». Несколько ранее, но то же самое говорил преподобный старец Серафим Саровский Н. А. Мотовилову: «Мы в настоящее время, по нашей почти всеобщей холодности к вере святой в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла, до того дошли, что почти не понимаем слов Священного Писания. Некоторые говорят: это место непонятно, потому [что] неужели апостолы так очевидно при себе Духа Святого чувствовать могли? Тут нет ли де ошибки?... Не было и нет никакой... Это все произошло от того, что мало-помалу удаляясь от простоты христианского ведения, мы под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам то кажется неудобопонятным, о чем древнейшие христиане до того ясно разумели, что в самых обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми никому из собеседующих не казалось странным».

Приведенные высказывания наших святых отцов свидетельствуют, что они оценивали состояние Церкви и уровень духовного образования (богословской науки) своего времени не с позиции внешних успехов, но лишь с одной точки зрения - того, что дается ими человеку в достижении единственной цели его жизни - спасения. Успехи внешние и так называемый свет религиозного просвещения, уводящие христианина от этой цели, есть, по их авторитетному слову, тьма.

Так продолжалось до середины XIX столетия, когда наконец вновь наметилась своя, национальная православная линия в понимании богословия и цели духовного образования. Большое значение здесь имела личность святителя Московского Филарета (Дроздова). Он предпринимает решительные шаги для «образования внутреннего человека», преподавания «сердечного богословия» в Духовных школах. Протоиерей Георгий Флоровский называет Московскую Духовную академию (МДА) при митрополите Филарете «полукиновией», своеобразным «сердечно-ученым монастырем». Эпоха митрополита Филарета явилась периодом духовного подъема школ, находящихся в его ведении, нача-

лом развития русской научно-богословской науки.

В результате заговорили о забытом пути опытного богопознания, о духовности, о святых старцах и монастырях, о святоотеческих творениях как источниках истинного богословия, о русской иконе. В академиях началась работа по переводу на русский язык древних отцов Церкви. О значении их для отечественного богословия составитель проекта их издания архимандрит Никодим (Казанцев) писал тогда: «Только после того времени, как русские богословы будут читать святых отцов на русском языке, можно ожидать, что они будут самостоятельные и зрелые богословы и не будут зависеть от латинских, немецких, французских и английских богословов и богословии».

Одновременно все чаще слышатся голоса критики в адрес схоластической системы образования.

Однако это были голоса лишь наиболее светлой и духовно чуткой части умов, но очень незначительной по числу своих представителей и их мирской значимости. И они мало были услышаны. Основной поток русского богословско-школьного сознания шел в общем русле глубоко укоренившихся идей и стандартов западной школы, западных принципов образования (в полном соответствии с господствующей атмосферой жизни в нашем так называемом просвещенном обществе). Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Так, ректор МДА с 1909 по 1917 годы епископ Феодор (Поздеевский), оценивая появление серии книг религиозно-философской библиотеки, издававшейся М. А. Новоселовым, писал: «Впечатление получается у прочитавшего все эти выпуски, особенно если он знаком с духом и направлением нашей современной так называемой ученой богословско-философской мысли, такое, как будто в мутную воду вдруг пущена струя чистой ключевой воды или в душную атмосферу - струя светлого, чистого воздуха... Несомненно, благодаря тому, что нами забыты сокровища богословствования святых отцов, и замечается теперь такой упадок продуктивности богословской мысли. Куда пойдет по

этой дороге богословская мысль - угадать не трудно. Когда утерян критерий истины и нет уже руководства святоотеческого, блуждание возможно и широкое, и свободное».

Еще более тяжелой была обстановка на таких уроках в небогословских школах. Игумен Никон (Воробьев, 1894-1963) говорил, например, что он потерял веру в Бога в реальном училище, где священник-преподаватель мертво «читал» им заученные уроки, никогда не отвечая на вопросы. Потому Бердяев был недалек (в данном случае) от истины, когда писал: «Русское школьное богословие, схоластическое по духу, в сущности не было... преславным, не выражало религиозного опыта православного Востока».

В революционные дни 1905 и 1917 годов нередко можно было видеть семинаристов в первых рядах ослепленных борцов-фанатиков за «свободу, равенство, братство». И Сталин совсем не был исключением. Именно на уроках «закона Божия» часто так умели «духовно» образовывать молодежь, что оттуда выходили законченные безбожники.

Совершенно очевидно, что такое состояние школ было не случайным и выражало общий духовный уровень нашей Церкви. Об этом страдали и писали многие святые и лучшие люди земли Русской. Приведем еще несколько ярких высказываний.

Святитель Игнатий Брянчанинов - в одном из писем: «О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок. Отживает оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому... В современном монашеском обществе потеряно правильное понятие об умном делании. Прежде умное делание было очень распространено и между народом, еще не подвергшимся влиянию Запада. Теперь все искоренилось».

С своим братом он откровенно делится: «Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, колеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостоять. Предпринимаемые меры поддержки заимствуются из сти-

нии мира, враждебного Церкви, и скорее ускорят падение ее, нежели остановят.... Что посеяли, то и жнут! Последнее можно сказать о духовных журналах и о преподавании закона Божия...» .

Митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге «О вере, неверии и сомнениях» рисует яркие иллюстрации того оскудения духа в церковной среде, которое проявилось в разных формах к началу XX века, и высказывается даже таким образом: «Церковь - высшие интеллигентные слои ее - не жили жизнью духа, а умствовали».

Хомяков с горькой иронией говорит о «завлечении в Церкви «восьмого таинства мертвой веры» .

Подобного рода высказывания, совсем не врагов Церкви, а святых и искренних и верных ее членов, говорят о многом.

Упадок духовной жизни, в первую очередь в церковной среде, обусловил в нашем народе «стремление к формам чужим и чужому духу» и усвоение им западной идеи образования, идеи по самому существу своему бездуховной, исходящей из тех языческих требований жизни, которые отвергнуты были Христом в пустыне: искание наслаждений, богатства и гордостной славы. Но образование, забывшее о единственной и непреходящей своей цели - воспитании святого человека по образу Христа - и поставившее во главу угла туманную идею социального прогресса, неминуемо приносит горькие плоды. Прекрасно сказал об этом Иван Сергеевич Аксаков: «Прогресс, отрицающий Бога и Христа, в конце концов становится регрессом; цивилизация завершается одичанием; свобода - деспотизмом и рабством. Сволекши с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет - уже совлекает - с себя и образ человеческий и возревнует об образе зверином» .

Но разве может духовное образование отрицать Бога и Христа? Как видим, и могло, и может, если забывает самое ценное и великое в этом мире - душу человека. Тогда закономерно наступает революция. Таков основной урок истории русского духовного образования. Будет ли он учтен?!

Какаясь образования современного,

нужно сразу сказать, что открытые через четверть века после полного своего разгрома Духовные школы не могли не стать на тот же путь, на котором стояли школы предреволюционные, поскольку никаких других принципов организации духовного образования уже просто не знали. И не только не знали, но и не верили, что трагический конец прежних Духовных школ, как и монастырей, храмов и всей, будем говорить, церковной жизни и культуры, произошел не по внешним причинам, не по злобе врагов Церкви (они были лишь слепыми в своей ненависти орудиями премудрого и всеблаготворного Промысла Божия), а по причине негативных процессов, происходивших в самой Русской Церкви, по причине небрежения в Духовных школах о своей главной задаче - воспитании христианина. И действительно, очень трудно отнести к себе и тем более к своей Поместной Церкви слова: «Если... не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя» (Откр. 3, 3).

Основная проблема современных Духовных школ - острый недостаток руководителей и педагогов надлежащего уровня. В настоящий момент разработана новая концепция духовного образования, предполагающая в первую очередь решить именно эту проблему. В ней очевидный акцент сделан на научной подготовке преподавательских и богословских кадров. Вопрос же вопросов - духовное воспитание будущих пастырей и педагогов - остается, как и прежде, открытым. Это обусловлено тем, что трудно, очень трудно найти в наше время человека, совмещающего в себе и достаточное знание, и понимание священного наследия отцов Церкви, и действительно, а не просто привычное благочестие, и здравую рассудительность - «оскуде преподобный». Но совершенно очевидно, что только школа, построенная на образе отношений Иисуса Христа с учениками может принести добрые духовные плоды.

В настоящий момент, когда происходит, по-видимому, последняя битва за спасение России от окончательного лжедуховного иноземного ее порабощения, от Духовных школ зависит очень многое.

Они, и в первую очередь академии, могут дать те двуедино, духовно и богословски, подготовленные кадры, без которых Церковь с быстро заполняющим ее большим процентом духовно слабых, нередко малоспособных, не имеющих ни специального, ни самостоятельного богословского образования и твердого знания основ Православия священников и монашествующих, будет неуклонно терять свой авторитет, и русский народ окажется во власти подготовленных проповедников инославия, иноверия, безверия. Это прямо следует из того, что в настоящий момент духовное состояние нашего общества находится на грани самого шаткого баланса между Православием и каким угодно инаковерием.

Сейчас на территории бывшего Советского Союза и за его пределами в различных религиозных школах терпеливо, без шума, основательно готовится для нашего народа более чем достаточное количество учителей старых и новых вер. Иноверные идеологи прекрасно понимают, какое важное значение имеет хорошо подготовленный проповедник, миссионер. Они буквально ловят момент. И если православные школы не получают равноценной поддержки, то наш народ расправославится и русские, то есть православные, вообще исчезнут с лица земли. Это - серьезнейший вызов Русской Церкви и самой жизни нашей нации.

Конечно, характер, направление и уровень образования в первую очередь обусловлены духовным, каноническим, моральным и организационным состоянием самой Церкви, которая уже в предшествующий революционный период и тем более после 70-летнего открытого избиения, оказалась в тяжелом внутреннем положении. Большое количество ее запущенных болезней и нерешенных проблем не может соответственно не отражаться и на всем ее духовном образовании. Поэтому только целеустремленная, благожелательная и неустанная работа, координируемая высшей церковной властью, по их искреннему признанию и разрешению, способна дать всем нашим образовательным центрам ту силу, которая духовно обогащает и укрепляет и саму Церковь, и Отечество.

протоиерей Владислав Цыпин

О соединении с Зарубежной Церковью

4 (17) мая 2007 г., в праздник Вознесения Господня, в храме Христа Спасителя Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей Митрополитом Лавром был подписан «Акт о каноническом общении» — свершилось событие, положившее конец разделению, которое продолжалось в течение многих десятилетий, уходя своими корнями

в братоубийственную смуту, потрясшую Россию в начале XX века. Состоявшееся воссоединение может быть обозначено как символ завершения гражданской войны, которая не прекратилась в 1920 г., когда в ней временно победили большевики, но которая еще долго потом продолжала отравлять жизнь русского народа, питая в нем пагубную рознь и вражду.

Главная причина церковного разделения, преодоленного подписанием Акта в храме Христа Спасителя, заключалась в том, что для значительной части православной эмиграции из России, в первом поколении жившей надеждой на скорое падение советского режима, юрисдикционная связь с церковным центром на родине — с Московской Патриархией, — которая находилась в тягостной зависимости от враждебной Церкви большевистской власти, представлялась неприемлемой, поскольку такая зависимость предполагала неизбежность далеко идущих компромиссов, хотя они никогда и ни при каких обстоятельствах, даже самых трудных для гонимой Церкви, не затрагивали верности окормляемых ею чад Христу,

неприкосновенности вероучительных догматов Православия.

Реагируя на то, что в общественном мнении эмиграции, обозначалось как порабощение и пленение Патриархии, православные пастыри и паства рассеяния выбирали разные пути: одни, и надо признать, немногие, вероятно, самые аполитичные из эмигрантов, выше всего ставили каноническую связь с Патриархией, под окормлением которой остался многострадальный православный народ на родине. Эту позицию выбрали такие архипастыри как митрополит Елевферий (Богоявленский), Вениамин (Федченков), а после Второй мировой войны также и архиереи, обосновавшиеся в Китае, и среди них отец одного из первоиерархов Русской Зарубежной Церкви, Филарета, — архиепископ Димитрий (Вознесенский), в Париже — митрополиты Евлогий (Георгиевский) и Серафим (Лукьянов). В юрисдикции Московской Патриархии всегда оставались крупнейший русский богослов XX века В. Н. Лосский, а также знаменитый на весь мир философ Н. А. Бердяев.

Другие беженцы, в особенности из тех, кто добрался до Соединенных Штатов — страны эмигрантов, постепенно укоренились там, осознали себя в конце концов американцами русского происхождения, увидев свой особый долг в свидетельстве об истине Православия разноплеменному инославному и иноверному миру. Это был путь, который выбрал митрополит Северо-Американский Платон (Рождественский), стремившийся к расширению автономии своей епархии, преобразованной потом в митрополичий округ, не разменявший свою юрисдикционную зависимость, и его преемники. Завершением этого извилистого пути был акт Московской Патриархии 1970 г. о даровании ей дочери — Американской Православной Церкви — автокефального статуса.

Большая часть русских православных приходов во Франции и некоторые приходы в других странах Западной Европы, возглавляемые митрополитом Евлогием, в 1930 г., после очередного кризиса в отношениях с Московской Патриархией выбрали для себя оригинальный выход из сложившейся ситуации и временно, подчеркиваю, временно, перешли в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в качестве особого русского экзархата в Западной Европе. Сам митрополит Евлогий, придававший серьезное значение временности этого перехода, уже в 1945 г. вернулся в юрисдикцию Московской Патриархии, однако после последовавшей вскоре его кончины большая часть клириков и паствы почив-

рации, к которой принадлежал и возглавлявший тогда РПЦЗ митрополит Виталий (Устинов). Прибегая к аллегорическому языку, можно представить возникшие тогда у некоторых эмигрантов настроения и ожидания в образе белого коня, въезжающего в город через триумфальные ворота. Образ, не вполне беспочвенный в первые два десятилетия эмиграции и ставшей совершенно утопическим ко времени, когда пал коммунизм в России, отвергнутый не только самим народом, но и политической элитой страны, легко отбросившей прежние идеологические шоры и благодаря этому оставшейся на Олимпе.

Наступившее вслед за тем отрезвление, позволившее дать реалистическую оценку сложившейся ситуации, способствовало началу диалога между представителями двух юрисдикций. На клир и церковно сознательных мирян Зарубежной Церкви благоприятное впечатление произвели «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые Архиерейским Собором 2000 г., содержащиеся в этом документе положения о канонической норме во взаимоотношениях между Церковью и государством, прежде всего то место «Основ», где говорится, что всякий христианин обязан по долгу своей христианской совести отказаться от исполнения таких законов или распоряжений государственной власти, которые принуждают к вероотступничеству или совершению греховных, душевредных поступков. Составители проекта «Основ» могут свидетельствовать, что когда в его текст вносилось это положение, никто не думал о реакции на него ни со стороны государственных чиновников, ни со стороны клириков и мирян РПЦЗ — было лишь стремление адекватно выразить христианское учение о пределах должного законопослушания, как оно выражено в Новом Завете. Принятие «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», равно как и опыт общения с клириками и мирянами Московского Патриархата, живое наблюдение реальной церковной жизни в России убеждало колеблющихся в том, что Русская Церковь обрела дей-

ствительную свободу, которой она лишена была в течение семи десятилетий советского режима, что в России Православная Церковь не менее свободна, чем в Соединенных Штатах, Франции и других странах так называемого «свободного мира». Речь идет тут не о высшей свободе во Христе, которой Церковь обладает всегда, независимо от внешних условий своего существования, а о ее правовом статусе.

Диалог о воссоединении начался при Святейшем Патриархе Алексии II, родившемся в Эстонии, в эмигрантской семье, так что уже поэтому ему особым образом открыто и понятно умонастроение эмигрантской среды, и при Первоиерархе Зарубежной Церкви Митрополите Лавре, который, будучи выходцем из Карпатской Руси, к российской эмиграции в собственном смысле слова не принадлежит и уже в силу этого обстоятельства оказался способен в ином свете и в иной перспективе увидеть положение Церкви, чем его предшественник митрополит Виталий, сын офицера белой армии, потерпевшей поражение в гражданской войне, горечь которого, очевидно, никогда не покидала его, влияя на принимаемые им решения.

Но, рассуждая об исторических обстоятельствах и человеческих усилиях, способствовавших началу и успеху диалога, не следует придавать им слишком важного значения, потому что за всем, что произошло в эти дни, стоит очевидное действие Промысла Божия, вера в который находит в случившемся событии особое укрепление. И еще: церковное воссоединение — это добрый плод подвигов новых российских мучеников и исповедников, пострадавших за Христа. В этом отношении особенно знаменательно благодатное участие в деле воссоединения священномученика Илариона.

Началу диалога предшествовала состоявшаяся в 2003 г. в Нью-Йорке встреча между Президентом Российской Федерации В. В. Путиным и Первоиерархом РПЦЗ Митрополитом Лавром. На этой встрече В. В. Путин передал Русской Зарубежной Церкви частицу мощей священномученика Илариона. Участие В. В.

Путина в деле воссоединения вызвало в некоторых средствах массовой информации, недружественных Православной Церкви, превратные интерпретации характера церковно-государственных отношений в современной России. В связи с этим можно сказать следующее: встреча Президента Путина с Митрополитом Лавром, естественно, не была продиктована формальными служебными обязанностями Президента, но это был естественный шаг главы государства, православного по своим традициям и вероисповеданию большинства его граждан, государственного деятеля, в котором миллионы людей видят национального лидера России, независимо от занимаемой им должности, к тому же человека, по своему рождению и лично исповедуемой им вере принадлежащего Православной Церкви. Так положено было начало делу огромной церковной и национальной значимости: уврачеванию раны, нанесенной церковному телу грозными политическими событиями, обрушившимися на Россию в начале XX века, и консолидации русского мира, присутствующего ныне на всех обитаемых континентах земли.

Прямые переговоры о воссоединении начались с визита Митрополита Лавра в Москву, состоявшегося в мае 2004 г., и завершились подписанием «Акта о каноническом общении» ровно три года спустя. Участники переговоров в ходе диалога не могли уклониться от оценки пройденного Русской Церковью в XX веке исторического пути. Оценки эти во многом не совпадали. Но трезвый и ответственный подход к делу воссоединения исключал взаимные обвинения, а значит и квалификацию имевшего место разделения как раскола, потому что если есть раскол, то должны быть и раскольники, и в таком случае неизбежным становится вынесение обвинительных вердиктов.

Но дело не только в соображениях тактического характера. Христианам не свойственно поступаться истиной ради достижения хотя бы и благой цели. Дело в том, что подобная характеристика имевшего место разрыва канонического общения была бы неверной и по существу.

Разрыв был внесен в церковную среду внешними по отношению к самой Церкви обстоятельствами. Это не значит, конечно, что к разделению не имеют никакого отношения человеческие немощи и грехи его участников. Конечно, имеют. Но нам, не пережившим того, что пережили наши отцы и деды, совершенно неуместно выступать в роли их судей. Церковным историкам предоставлена свобода в исследовании причин происшедшего в свое время разделения, характера и масштабов вовлеченности в него тех или иных церковных деятелей прошлого, а на официальном церковном уровне достаточно было лишь дать самую общую и принципиальную оценку церковных решений и ключевых документов 1920 – 1930-х годов с позиций «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», разделяемых обеими сторонами, участвовавшими в переговорах о воссоединении.

Тщательной, поистине филигранной работы потребовали формулировки «Акта о каноническом общении», устанавливающего статус Зарубежной Церкви внутри единой Русской Православной Церкви. Было очевидно, что Зарубежная Церковь должна сохраниться как единое целое со всеми своими традициями и установлениями, но по причинам канонического характера ей невозможно было предоставить автономный статус: Автономные Церкви – это уже Поместные Церкви со своей четко ограниченной канонической территорией, а Зарубежная Церковь присутствует в разных странах и на разных континентах. Поэтому за РПЦЗ признан был статус самоуправляемой Церкви, органично сочетающий внутреннюю самостоятельность и юрисдикционную связь с органами высшей власти Русской Православной Церкви, в которой участвуют представители самой Зарубежной Церкви (епископы – в Поместных и Архиерейских Соборах и в Священном Синоде, а клирики и миряне – в Поместном Соборе), и ее Главой – Святейшим Патриархом. В ходе диалога договорились об изменении статуса приходов РПЦЗ, открытых на канонической территории Московского Патриархата, и

служащих в них клириков. Руководствуясь принципами икономии, им, в соответствии с выработанным в ходе переговоров решением, предоставлена возможность либо войти в юрисдикцию местных епархиальных архиереев, либо в ведение Святейшего Патриарха, с тем чтобы их прямое окормление осуществлял его викарий, который ранее управлял ими в качестве епархиального архиерея РПЦЗ. Икономический пастырский подход решено было применить и к тем клирикам и мирянам русского зарубежья, кому трудно сразу преодолеть былые предубеждения, в связи с чем был установлен своего рода переходный период продолжительностью в пять лет. Священноначалием приняты были также надлежащие постановления о снятии прешений, наложенных на клириков в связи с самовольным оставлением ими своих епископов и переходом в параллельные юрисдикции.

Каноническое общение восстановлено во всей полноте. Это не значит, однако, что все проблемы решены. В лоне теперь уже единой Церкви понадобится согласовать святцы, исключить при сохранении параллельной юрисдикции в диаспоре канонически неуместную идентичность титулов некоторых архиереев, устранить локальные конфликтные ситуации, возникшие вокруг тех или иных приходов во времена разделения. Сохранились разные подходы к диалогу с инославными Церквями, в том числе и разная практика присоединения инославных к Православной Церкви, которая, вероятно, должна быть унифицирована. И это только часть задач, ждущих своего решения, но решаться они будут уже в атмосфере взаимного доверия и братской любви, подобающей чадам единой Церкви. А самое главное, в будущем необходимо явить максимум канонически допустимой икономии для того, чтобы вне лона Церкви не остались добросовестно заблуждающиеся люди, которые по разным причинам оказались в оппозиции объединительному процессу и на сей день еще не готовы принять его результаты. Это замечание, однако, не относится к тем злонамеренным деятелям, кто ищет поводов к разделению, обособлениям и питает

враждебные чувства к братьям. Икономия в Церкви применяется в параллель с акривией, которая также имеет свои основания.

Значимость свершившегося состоит главным образом в нем самом, в факте воссоединения разделенных ранее братьев, в изживании «ненавистной розни века сего», в восстановлении полноценной канонической нормы в отношениях между разными частями Русской Церкви, пребывающими в Отечестве и в рассеянии. Но это также событие исторического масштаба для России и всего русского мира. Освобождение нашей страны из плена атеистической диктатуры сопровождалось ее распадом, который справедливо был назван геополитической катастрофой. И вот теперь был сделан важный шаг в обратном направлении, в сторону консолидации. Происшедшее событие убедительным образом может напомнить тем русским людям в Западной Европе, во Франции, в Париже, кто оказался в юрисдикции Константинополя, о временном, как это было четко и однозначно обозначено в свое время, характере этой своеобразной юрисдикции.

Восстановление исторической России может успешно осуществляться лишь на том камне, который был положен в ее основание равноапостольным князем Владимиром. Исторически недавний опыт строительства на ином основании оказался опытом строительства на песке, и воздвигнутое на нем грандиозное сооружение закономерным образом рассыпалось. Надежды эмигрантов первой волны, оказавшихся в изгнании после обрушившегося на их родину революционного потопа, на возрождение православной России, могут осуществиться, но это зависит от нашего произволения, от нашей готовности и способности послужить такому ее возрождению. Акт, совершенный в восстановленном храме Христа Спасителя в праздник Вознесения Господня, – это шаг в верном направлении, и на содеянном в этот день явным образом почует благодать и благоволение Божие.

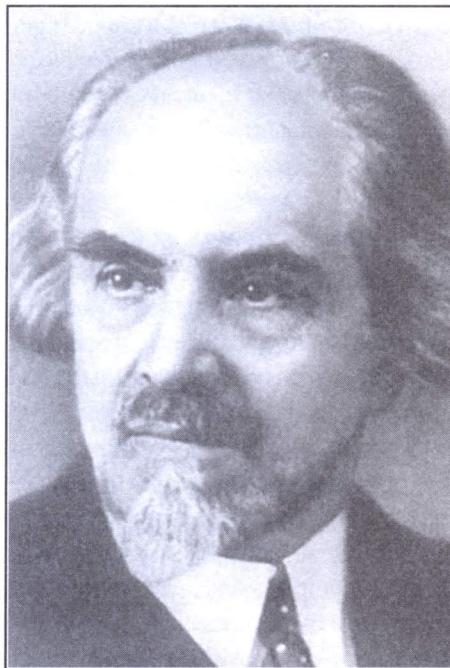
И. Н. Попов, кандидат богословия, преподаватель ВПДС

«Учение о свободе русского философа Н.А.Бердяева»

Началом всех начал Бердяев считает не Бога-Творца (Он творец лишь в отношении к миру), а «непостижимую перво-реальность, превышающую какие-либо определения». Следуя за немецким мистиком Яковом Бёме, Бердяев называет эту перво-реальность «бездной», из которой, по его учению, вечно рождаются Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. По учению Бердяева, Ungrund или «бездна» не до конца преобразилась в Святую Троицу, и поэтому она сосуществует с Богом. Само миротворение Бердяев рассматривает как первичный акт свободы где меоническая свобода согласилась на акт творения, не-бытие свободно согласилось на бытие.

Естественно возникает вопрос: зачем понадобилось Бердяеву такое, странное, на первый взгляд, учение, напоминающее некоторые виды гностицизма, особенно учение Маркиона? Ответ: для того, чтобы снять с Бога ответственность за мировое зло. Ради этого Бердяев идет так далеко, что даже отрицает всемогущество Божие ради Его всеблагости. Он имеет в виду следующую, давно известную антиномию: если Бог всемогущ, то Он несёт ответственность за мировое зло – и тогда Он не всеблаг. Если же Он – всеблаг, то зло происходит не от Бога, - тогда Он не всемогущ. Христианское богословие решает эту антиномию указанием на свободу человека как на источник зла, т.е. человек может злоупотреблять своей свободой. Но Бердяев считает это решение вопроса чисто словесным силлогизмом, не находящим себе подтверждения в конкретном духовном опыте. Во-первых, существует зло, не зависящее от человека, - эпидемии, природные катастрофы. Главное же - при этом возникает вопрос: зачем же Бог сотворил свободу, если она - источник зла? И Бердяев полагает, что только его учение – отрицание всемогущества Божия –

дает ответ на этот мучительный вопрос. Однако это учение Бердяева есть, хотя и благородный, но внутренне вряд ли оправданный скачок мысли. По традиционному учению, Бог сотворил мир из ничего. Для сотворения мира Бог не взял ничего ни извне, ни изнутри себя. Бердяев же рассматривает ничто именно как материал свобо-

ды, то есть он гипостазировал ничто. В связи с этим большие сомнения вызывает провозглашение свободы в качестве второго Абсолюта, не зависящего от Бога, что вряд ли приемлемо с общехристианской точки зрения.

Далее, в учении Бердяева наступает второй акт Божьего отношения к миру и человеку. Бог здесь выступает не в роли Творца, а в роли Спасителя и Испытателя грехов человеческих. Он является в лице Бога-Сына, являет себя не в силе, а в жертве, спускаясь в Ungrund, в глубину свободы, из которой рождается всякое зло, как

и всякое добро. Но эта жертва не лишает тварь свободы, она просветляет эту свободу изнутри, трагедия свободы побеждается трагедией распятия, смерть попирается смертью. Только явление Нового Адама, по мысли Бердяева, находит выход из трагедии свободы, преодолевает конфликт свободы и необходимости. Сын Божий нисходит в «ничто», т. е. в изначальную свободу. Только Духовный Человек, Новый Адам, вынимает яд из свободы, не уничтожая самой свободы. Благодать Христова, по Бердяеву, есть просветление свободы изнутри.

Бердяев согласен с о.Сергием Булгаковым, который полагает, что нет личного воплощения Духа Святого, его воплощение всеобщее, разлитое по всему миру. Поэтому так трудно определить отношение духа и Святого Духа. В духе действует Святой Дух. Духовная жизнь есть приобщение к божественной жизни. На такой же точке зрения основывает свои доводы и Бердяев. Кроме того, Бердяев высказывает мысли относительно действий Духа в отношении Церковных соборов. Собор непогрешим лишь тогда, когда вдохновлен Святым Духом и высказывает истину.

Церковь, считает он, переживает страшный кризис, от нее отлетает Дух, в ней нет Духа пророческого. И мы, по Бердяеву, должны уповать на новую эпоху Святого Духа. Ожидание Третьего Царства, Царства Духа Святого вне Церкви не может иметь никакого смысла. В этом вопросе Бердяева можно отнести к апологетам «Нового Религиозного Сознания», приверженцами которого были также Мережковский и Владимир Соловьёв. Но, по его собственному признанию, он несколько не противоречит Церковному Преданию. Он пишет о том, что он может очень ошибаться, но воля его не направлена на создание какой-либо ереси или к

протесту, создающему раскол. Он сознаёт себя вращающимся в сфере проблематического в христианстве и потому допускающим разнообразные мнения, требующие творческого усилия мысли. Но и в вопросе о свободе и Церкви у Бердяева можно проследить отголоски учения об Ungrund. Подлинная основа Церкви, по его словам, мистична, погружена в бездонность и бесконечность. Он утверждает, что Церковь имеет не только божественную, но и космическую основу.

Бердяев также уверяет, что человек призван к творческому делу в мире, к участию в Божьем деле, в деле миротворения и мироустройства. Человек должен думать не только о себе, о своем спасении, о своем благе, он должен думать и о Боге. Бог ждёт, что человек в свободе раскроет свою творческую природу. Бог ждет от человека соучастия в деле миротворения, в продолжении миротворения, в победе бытия над небытием, ждет подвига творчества. Бердяев уверен в том, что огромная религиозная ценность человека в том, что он, несмотря на свое падение, имеет в себе божественное начало, образ Божий, который пребывает в его духе. Его телесно-душевное естество погружено в мир падшей природы и поработщено, но дух его остается носителем свободы.

Философ говорит о трёх элементах творчества. Первый - свобода, которая существует до Бога, свобода как потенциал жизни, но не определившаяся как новизна. Второй элемент творчества - дар, гений. Он ни за что даётся человеку, он не связан с религиозным или нравственным усилием человека достигнуть совершенства и преобразовать себя. Творец - человек не властен над собой в творчестве. Он может оказаться гулякой праздным, ничтожнейшим среди смертных. Но дар свой он получает от Бога и потому он - орудие Божьего дела в мире.

Свобода, по Бердяеву, есть существенное условие нравственной жизни - свободы во зле, также как в добре. Не может быть нравственной жизни без свободы во зле, и это делает нравственную жизнь трагедией. Трагедия есть существенный элемент нравственности и основная этическая категория. Именно трагическое, считает Бердяев, ведёт нас в глубины и на высоты, по ту сторону добра и зла в нормативном смысле.

Последней истиной о рабстве человека у него является то, что человек есть раб у самого себя. Он попадает в рабство объектного мира, и это есть рабство своих собственных экстерниоризаций. Человек находится в рабстве у разного рода идолов, но это идолы, им созданные. Человек всегда является рабом того, что находится как бы вне его, что отчуждено от него, но источник рабства внутренний. В универсальном, заключенном в личности, происходит борьба свободы и рабства, и борьба эта проецируется в объективном мире. Рабство человека заключается не только в том, что внешняя сила поработщает его, но еще глубже, в том, что он соглашается быть рабом, что он по рабски принимает действие поработщающей его силы. Рабство характеризуется как социальное положение людей в объективном мире.

Из всех форм рабства человека, по Бердяеву, наибольшее значение имеет поработщение человека обществом. Человек, существо социализированное на протяжении долгих тысячелетий цивилизации. И социологическое учение о человеке хочет убедить нас, что именно эта социализация и создала человека. Человек живет как бы в социальном гипнозе. И ему трудно противопоставить свою судьбу деспотическим притязаниям общества, потому что социальный гипноз устами социологов разных направлений убеждает его, что самую свободу он получил исключительно от общества. Общество свободных людей, не рабов должно быть создано не по образу космоса, а по образу духа, т. е. не по образу иерархизма, а по образу персонализма, не по образу детерминации, а по образу свободы, не по образу господства силы и сильного, а по образу солидарности и милосердия. Только такое общество было бы не рабым. Источник человеческой свободы не может быть в обществе, источник человеческой свободы в духе. Все, что исходит от общества, - поработщающее, все, что исходит от духа, - освобождающее.

В принципе, вся этическая система Бердяева не выходит за рамки православно-христианского миропонимания. Лишь его точка зрения на возникновение Троичного Бога из Ungrund вызывает непонимание. Бердяев не прав, думая, что его Ungrund соответствует «Божественному

Ничто» Дионисия Ареопагита. В отрицательном богословии Дионисия Ареопагита «Божественное Ничто» есть вовсе не какой-то неопределенный меон; этот принцип есть «Сверхчто», столь совершенное, что не может быть выражено нашими понятиями. Тезис «Бог сотворил мир из ничего» вовсе не означает, будто какое-то «ничто» послужило для Бога материалом, из которого Он сотворил мир. Смысл его очень простой и притом весьма значительный: Бог творит мир, не заимствуя никаких материалов ни из себя, ни извне Себя. Он творит нечто онтологически вполне новое в сравнении с Ним. И воля тварных существ сотворена Богом. Она свободна потому, что творя личность, Бог наделил ее сверхкачественной творческой силой, не придавая личности никакого эмпирического характера, ни доброты, ни злобности, ни храбрости, ни трусости и т. п. В своей жизни каждая личность свободно вырабатывает это сама и стоит выше своего характера в том смысле, что остается способной свободно перерабатывать его.

Из этого, однако, вовсе не следует, что и остальные части системы Бердяева должны быть отвергнуты. Главное содержание его творчества остается и после этого незатронутым. Величайшая заслуга Бердяева состоит в том, что он весьма оригинально показывает, как мало добра в нашем добре, в нашей индивидуальной, социальной и даже церковной жизни. Он смело обличает неправды нашей жизни и учит зорко подмечать их там, где мы вследствие привычки к ним не видим их. Высокою чертою философии Бердяева является защита истины, что христианство есть религия любви, и следовательно, терпимости, свободы и спасения всех.

Велики также заслуги Бердяева в его критике социализма, коммунизма, буржуазного духа и в его борьбе против всякого абсолютизации относительных ценностей. Современную классовую борьбу он критикует с точки зрения христианского идеала. Что касается принципов общественной жизни, Бердяев защищает абсолютную ценность личности и неотъемлемые права ее на свободу духовной жизни и достойные условия существования. Он убедительно показывает, что эти принципы могут быть последовательно обоснованы не иначе как в связи с христианским мировоззрением.

Пасхальное богослужение в Семинарском храме

В феврале-марте 2007 г. прошла педагогическая практика воспитанников второго курса семинарии в СОШ №19 г. Воронежа. Ее цель — научить будущих священников общаться с детьми и молодежью разных возрастных групп с разной степенью воцерковленности; сформировать у воспитанников семинарии начальные преподавательские навыки. Т.к. в ходе организации педагогической практики учитываются особенности будущего служения воспитанников духовной школы, практика проходила в разных типах образовательных учреждениях. СОШ № 19 стала первым учебным учреждением педагогической практики этого года. Выбор школы неслучаен. В течение вот уже десяти лет ее педагогический коллектив работает над проблемой возрождения традиций отечественной православной педагогики. Духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи в СОШ № 19 уделяется большое внимание. Вот почему весть о педагогической практике будущих пастырей администрация школы встретила с радостью. Можно сказать, что посещение школы воспитанниками ВПДС принесло пользу не только самим студентам, но и педагогическому коллективу этого образовательного учреждения. Семинаристы получили новый опыт общения со школьниками, познакомились с методическими приемами опытных педагогов, а учи-

теля, в свою очередь, благодаря общению с будущими священнослужителями получили возможность уточнить свои знания о Церкви и православных традициях. Итогом этих встреч стало самостоятельное проведение уроков воспитанниками семинарии в разных классах на темы духовно-нравственного содержания.

Стоит отметить, что Воронежская Православная Семинария с момента своего возрождения в 1993 г. активно трудится на ниве просвещения российской молодежи. Сегодня воспитанники духовной школы и регентского отделения проводят занятия по «Основам православной культуры» более чем в десяти учебных заведениях города. «Когда работаешь с детьми, чувствуешь что работаешь на благо России, ведь от них будет зависеть будущее нашей Родины», — делится своими рассуждениями Максим Цуканов, преподающий эту дисциплину в СОШ №91 и гимназии им. Платонова, — поэтому так важно дать современным школьникам представление о тысячелетней истории нашего Отечества, неотделимой от истории Православной Церкви».

19 марта в Воронежской Православной Духовной Семинарии прошла встреча митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия с воспитанниками и преподавателями духовной школы. Архипастырь от-

ветил на несколько десятков вопросов о православной вере, миссионерстве, трудностях пастырского служения и различных сторонах церковной жизни. Продолжаем публикацию ответов Владыки на некоторые вопросы

— *В последнее время идут споры о таких книгах и фильмах, как Гарри Поттер, Властелин Колец, Матрица. Одни считают их даже душевспасительными, другие говорят, что читать или смотреть их вовсе нельзя. Есть ли какое-либо среднее мнение?*

— Святитель Иоанн Златоуст говорил, что христианин должен быть подобен пчеле и летать по всем цветкам, в том числе и по ядовитым, а брать от каждого только нектар. Важно помнить, что каждое произведение уникально и говорить о них общими фразами невозможно. Нужно обращать внимание на то время, когда они были созданы, на их цель. Например, Булгаков, написав «Мастера и Маргариту», показал, что комму- ты пришли и принесли с собой дьявола, который все рушит, крошит и смеется над своими учениками. Во «Властелине колец» есть очень глубокий и добрый смысл, который может заставить секулярного человека задуматься о смысле Евангелия. Если у вас хватает мудрости собирать нектар отовсюду, если вы читаете что-либо с целью знать, чем дур-

Гость семинарии архимандрит Серафим (Линоспорис)

Пребывание десницы свт. Спиридона Тримифунтского на Воронежской земле

меняют мозги нашим современникам, стремитесь углубить свое понимание вопроса, чтобы когда вас спросят об этом, иметь собственное суждение о предмете разговора и не оказаться человеком неграмотным – пожалуйста, читайте и смотрите. Но если интерес рождается от праздности – не советую.

Сама по себе праздность предосудительна и если подходить к этому с таким настроением, то можно впасть в большой соблазн. Не нужно себя искушать, потому что диавол не дремлет, и если вы поддадитесь, то потом можете уже не выбраться.

Многие современные книги и фильмы очень искусны, они поставлены и написаны мастерами своего дела. Та популярность, которой они пользуются среди молодежи, говорит, что найден ключ к пониманию мира в среде этих ребят. Им как бы говорят: «Диавол нестрашен, примите его и вы будете счастливыми людьми. Зачем вам Бог с Его трудностями, с Его какими-то требованиями, живите, как хотите...»

9 апреля, в Светлый Понедельник, Божественную литургию в Успенском семинарском храме совершил митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергий.

В этот день Владыка рукоположил воспитанника семинарии Константина Луцкевича во диакона.

С 7 по 10 мая в Покровском кафедральном соборе города Воронежа пребывала великая святыня христианского мира – десница святителя Спиридона, Тримифунтского чудотворца. В течение трех суток, сменяя друг друга, у мощей угодника Божия дежурили воспитанники семинарии. Хоры духовной школы пели за богослужениями, совершавшимися в соборе в эти дни.

8 мая Воронежскую Православную Семинарию посетил архимандрит митрополитии Керкиры (Корфу) Элладской Православной церкви, отец Серафим (Линоспорис). Специально для гостя была проведена экскурсия по духовной школе. Также отец архимандрит посетил Успенский семинарский храм, где приложился к иконе с частицей мощей преподобноисповедника Сергия Сребрянского. Затем для отца Серафима семинарский хор исполнил ряд произведений, в ответ наш гость из Греции пропел на греческом языке тропари Воскресению Христову и свт. Спиридону. В своём прощальном слове отец Серафим сердечно поблагодарил всех за гостеприимство и пригласил посетить свою родину.

24 мая в Воронежском театре драмы им. А. Кольцова прошло театрализованное представление, посвященное Дню славянской письменности и культуры и памяти святых равноапостольных братьев Кирилла и

Мефодия, просветителей славянских. Активное участие в подготовке и проведении праздника приняли воспитанники семинарии.

Вниманию многочисленных зрителей были представлены исторические миниатюры о переводе Священного Писания на славянский язык и противлении этому латинского духовенства, о преподобном Несторе, монахе Киево-Печерской Лавры, составившем сказание о создании и становлении древнерусского государства, о начале книгопечатания на Руси, открывшего новую страницу в истории отечественной культуры и науки и позволившего простым людям соприкоснуться с книгой книг – Евангелием.

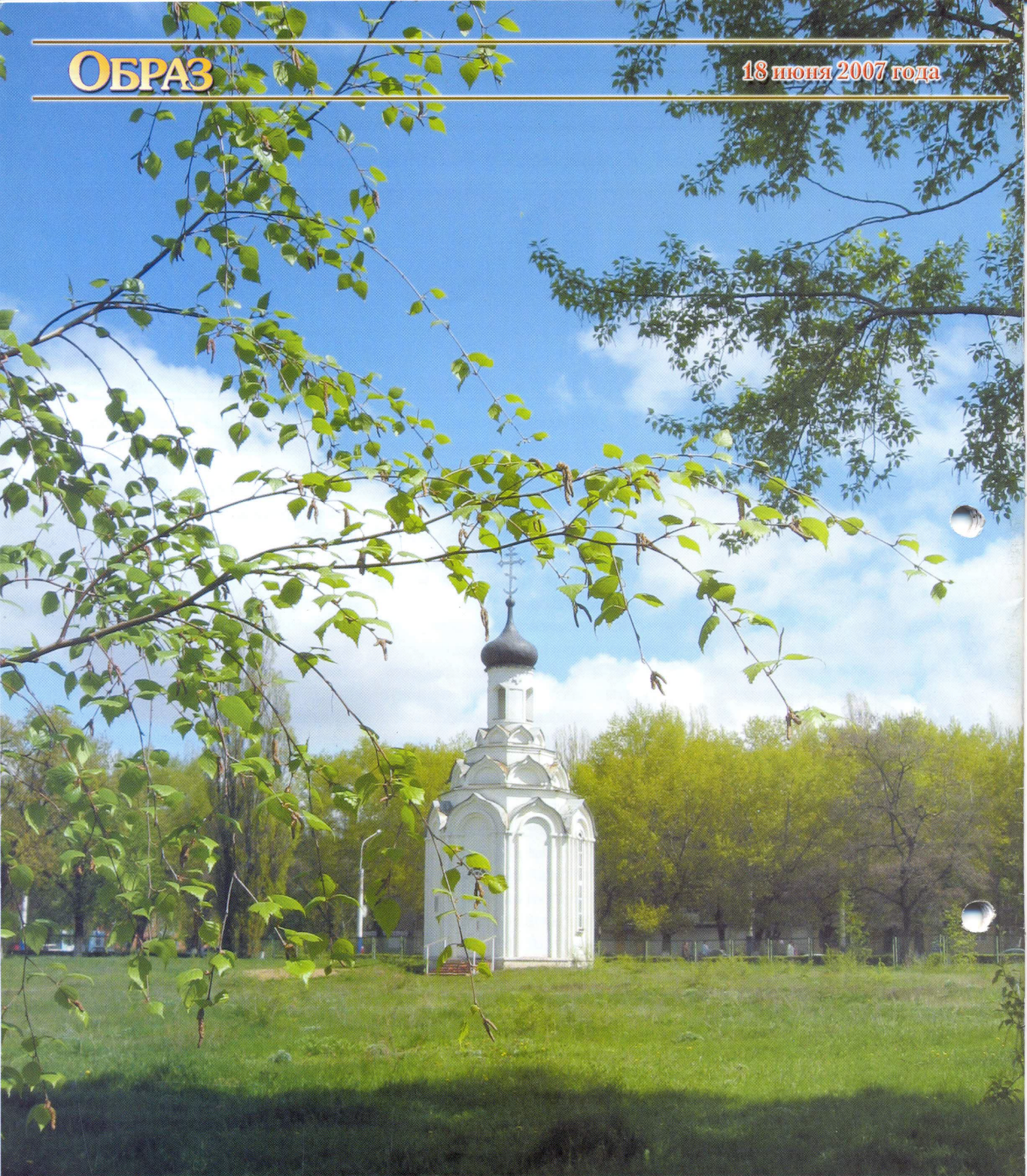
Сводный хор Воронежской Духовной Семинарии и Покровского кафедрального собора под управлением выпускника Воронежской духовной школы Ильи Ижогина исполнил праздничные песнопения.

12 июня прошла защита дипломных работ выпускниками семинарии. Вниманию экзаменационной комиссии было представлено 12 исследовательских работ, написанных под руководством преподавателей духовной школы.

Материал подготовили: Т. В. Дорофеева, В. Копылов, М. Цуканов.

Празднование Дня Славянской письменности и культуры

© Воронежская Православная Духовная Семинария. При перепечатке ссылка на «Образ» обязательна.

ОБРАЗ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 394004, Воронеж, пер. Ольховый, 1, Семинария (газета)
Тел. (4732) 49-20-20 (кашелярня) E-mail: vpd@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬ: Воронежская Православная Духовная Семинария, учебное заведение высшего профессионального религиозного образования, Воронежской епархии Московского Патриархата.

Редакционный совет: прот. Сергей Моздор,
Ушакова Ю.В., Якушева О.В., Макеев Н.В.,
Попов И.Н., Некрылова В.П.

Верстка: Юрий Никитин

Фото: Виктор Копылов.

Редакция приглашает читателей газеты к диалогу и сотрудничеству. Будем благодарны за Вашу критику, замечания, советы и помощь в создании газеты.